

— Ну что, ты закончил? — спрашиваю я. — Солнце уже пять минут как зашло. Блейн, сидящий в нескольких метрах от меня, выглядывает из-за холста. Я не двигаюсь, но вижу его боковым зрением — плечи, лысая голова, борода шокирующе красного цвета.

— В моем воображении ты стоишь, все еще освещенная светом. Не двигайся и, пожалуйста, помолчи.

— О'кей, — говорю я и слышу в собственном голосе нотки недовольства. Мне не нравится, что Блейн нарушает правила.

Хотя я стою перед ним в чем мать родила, меня это совершенно не смущает. Я уже привыкла быть моделью и больше не вздрагиваю, когда он касается моей груди или бедра, чтобы повернуть меня так, как считает нужным. Он бормочет: «Прекрасно, идеально. Черт подери, Ники, ты выглядишь потрясающе!», и у меня в животе уже ничего не сжимается. Я знаю, что далеко не идеальна, но мне приятны комплименты.

Я никогда в жизни не представляла, что смогу чувствовать себя так раскованно, стоя голой перед мужчиной. Когда я в течение многих лет участво-

вала в конкурсах красоты, я никогда не была голдой. Самым откровенным был выход на подиум в купальнике. Могу представить ужас моей матери, если бы она увидела меня сейчас — обнаженной, с поднятым подбородком, с выгнутой спиной и запястьями, связанными красной шелковой веревкой, уходящей к низу живота и обвивающей бедро.

Я уже несколько дней не видела изображение на холсте, но знаю стиль Блейна и представляю, какой он меня рисует. Чувственной, страстной и послушной.

Связанной богиней.

У моей матери от такого портрета мог бы случиться инфаркт. Но мне самой нравится — и работа и то, как она появляется на свет. Я перестала быть милой Ники и превратилась в Ники-бунтарку. И я в восторге от изменений, которые со мной произошли.

Я слышу шаги на лестнице и усилием воли заставляю себя не оборачиваться. Это Дэмиен.

Дэмиен Старк — человек, который не перестает меня удивлять.

— Мое предложение в силе, — доносится его уверенный голос до третьего этажа, где находимся мы с Блейном. Он не повышает тона, и, тем не менее, я каждой клеточкой тела ощущаю его силу и уверенность. — Попроси их взглянуть на статистику доходов и расходов. Если до конца года у них не будет доходов, они потеряют компанию. Если не будет прибыли, им придется уволить сотрудников. А все их патенты станут бесполезными, потому что

им предстоит многолетняя судебная тяжба с кредиторами. Но если они договорятся со мной, я поставлю компанию на ноги. И они это прекрасно понимают.

Я больше не слышу звук его шагов, значит, он поднялся на третий этаж. И сейчас Дэмиен видит меня.

— Так что убеди их, Чарльз, — говорит он, и в его голосе я чувствую напряжение. — Все, мне пора.

Я хорошо знаю этого человека. Я знаю его тело. Его походку. Голос. Мне не надо видеть Дэмиена, чтобы понять, что напряжение в его тоне никак не связано с деловыми переговорами. Его голос изменился потому, что он увидел меня.

Я действую на него как бокал шампанского на пустой желудок. Я его опьяняю. Его финансовая империя требует неустанного внимания, но в этот момент я значу для него все. Мне это льстит. Меня это радует. И, конечно же, возбуждает.

Я улыбаюсь, чем вызываю недовольство Блейна.

— Черт подери, Ники, перестань улыбаться.

— Но на картине у меня не будет видно лица.

— Но я-то твое лицо вижу.

— Да, сэр, — отвечаю я и слышу, как смеется Дэмиен.

Слово «сэр» мы используем в нашей с ним игре. Эта игра должна закончиться сегодня вечером, потому что портрет, заказанный Старком, готов. Я думаю о том, что позирую в последний раз, и мне почему-то становится грустно.

С одной стороны, мне уже не придется часами стоять без движения. Да, от этого начинают болеть ноги, но мне будет не хватать ощущения, что Дэмиен на меня смотрит. Мне будет не хватать его взгляда, от которого я возбуждаюсь, нашей игры.

Сейчас даже сложно представить, как сильно он меня поразил своим предложением — миллион долларов за мое тело. За мое изображение на огромном холсте, а также за то, что он будет моим господином целую неделю и сможет делать со мной все, что пожелает.

Сперва я испытала шок, но потом решила отнестись к его предложению исключительно прагматично. Я чувствовала и страсть и возмущение одновременно.

Я действую на него как бокс шампанского на пустой желудок. Я его опьяняю.

Я хотела Дэмиена и знала, что он хочет меня, но при этом желала его наказать. Тогда я была уверена, что для него я всего лишь

экс-королева красоты, и думала, что он пожалеет о своем предложении, увидев, что королева не без изъянов. И что ему не захочется расставаться с миллионом.

Еще никогда в жизни я не была так рада, что ошиблась.

У нас был договор на одну неделю, но эта неделя превратилась в две, потому что Блейн работал медленно. Он стоял в задумчивости, хмурился, что-то бормотал под нос... а потом попросил увеличить срок. Он объяснил это тем, что хочет сделать все идеально. Ох, как он любит это слово!

Дэмиен согласился. Он нанял Блейна потому, что тот был местным художником и восходящей звездой. Блейн мастерски рисовал обнаженную натуру, это признавали все критики и ценители искусства.

И я была не против, что неделя превратилась в две. Мне было хорошо с Дэмиеном. Я любила проведенные с ним ночи и дни. Как и мое изображение на холсте, я сама оживала и менялась рядом с ним.

Мне двадцать четыре, и я приехала в Лос-Анджелес всего за неделю до встречи с Дэмиеном, чтобы здесь сделать карьеру. Я и представить не могла, что такой мужчина, как Дэмиен Старк, захочет меня или мой портрет. Мы оба почувствовали взаимное влечение на презентации работ Блейна. Дэмиен стал меня добиваться, а я сопротивлялась, считая, что не могу дать ему то, чего он от меня хочет.

Я не была девственницей, но сексуального опыта у меня было немного. Зато у меня были шрамы на теле, и я не горела желанием кому-либо их показывать. Из-за них меня бросил бойфренд, после чего я решила, что со свиданиями покончено.

Но Дэмиен совершенно иначе воспринимал мои шрамы. Он считал, что это — часть меня. Это шрамы от битв, в которых я сражалась и продолжаю сражаться.

Если я думала, что шрамы свидетельствуют о моей слабости, то Дэмиен говорил, что они являются доказательством моей силы. Именно способ-

ность видеть и понимать меня такой, какая я есть, и привлекла меня в нем.

— Ну вот, ты опять улыбаешься, — говорит Блейн. — Я догадываюсь, о чем ты сейчас думаешь. Точнее, о ком. Что мне делать — попросить твоего ненаглядного выйти из комнаты и оставить нас в покое?

— Нет, тебе придется привыкнуть к ее улыбке, — отвечает за меня Дэмиен, и я снова сдерживаю себя, чтобы не повернуться и не посмотреть на него. — Я выйду из комнаты только вместе с ней.

Я слегка оборачиваюсь и смотрю на него. Он стоит на последней ступеньке лестницы и небрежно облокачивается на кованые перила. В жизни Дэмиен выглядит еще привлекательнее, чем в моем воображении. Я провела с ним все утро, но мне мало. Дэмиен — это мой сладкий нектар, которым я никогда не напьюсь.

У него волевая челюсть, которую подчеркивает двухдневная щетина. Густые черные волосы, которые я так люблю гладить, растрепал ветер. А какие у него глаза! Потрясающие, двухцветные. Он смотрит на меня с такой страстью, что я кожей чувствую его взгляд.

На нем джинсы и белая футболка, но даже в такой простой одежде Дэмиен — олицетворение власти и силы. Он — сама энергия. И я не хочу терять такого мужчину.

Наши взгляды встречаются, и дрожь пробегает по моему телу. Он миллиардер, знаменитость,

спортсмен, но я вижу в нем человека, которого люблю до глубины души. Он смотрит на меня с такой страстью, что, даже если бы я была одета, одежда на мне сгорела бы от огня, полыхающего в его глазах.

По коже пробегают мурашки, и я делаю над собой усилие, чтобы не двинуться с места.

— Дэмиен, — шепчу я, и его имя греет меня бархатом нежности.

Стоящий у мольберта Блейн смущенно откашливается. Дэмиен бросает на него взгляд, и мне кажется, он рад присутствию художника. Он подходит к нему и становится рядом, перед огромным портретом.

Мое сердце начинает колотиться, и я не отвожу взгляда от Дэмиена. Его глаза ярко блестят, словно он увидел достойную поклонения реликвию.

По задумке Дэмиена и Блейна, на картине я должна быть изображена спиной к зрителю, стоящей у кровати, а на заднем плане — развевающиеся от ветра занавески. Эффектная и эротичная картина, которая должна оставлять ощущение, что эта женщина рядом, но к ней невозможно прикоснуться. Дэмиен предложил поиграть на контрасте между легкими белыми занавесками и красным шнуром, которым будут связаны мои руки.

Это шрамы от битв, в которых я сражалась и продолжаю сражаться.

Женщина со связанными руками — собственность того, кто ее связал. Богиня, которую покорил простой смертный.

Дэмиен.

Я внимательно слежу за выражением его лица, чтобы понять, что он думает о картине, но он словно надел маску, которая скрывает все его эмоции.

— Ну, что ты скажешь? Тебе нравится? — не выдерживаю я.

Дэмиен молчит. Стоящий рядом с ним Блейн начинает нервничать. Мы ждем ответа, и нам кажется, что ожидание длится целую вечность. Блейн не выдерживает и спрашивает:

— Черт возьми, скажи же что-нибудь. Ведь это идеальный портрет, не так ли?

Дэмиен глубоко вздыхает и с уважением смотрит на художника.

— Портрет не просто идеальный, — отвечает он и поворачивается ко мне. — Это она. Живая. Настоящая.

Блейн не в состоянии сдержать радостной и слегка самодовольной улыбки.

— Я не особо люблю хвалиться, но эта работа... Просто вау. Действительно живая. Эротичная. И, скажу вам, очень честная.

Я облегченно выдыхаю. Мое сердце бьется так громко, что мне удивительно, как я вообще слышу что-либо, кроме его стука. Сейчас я больше всего хочу, чтобы Блейн вышел из комнаты и мы с Дэмиеном остались наедине.

В его кармане раздается жужжание телефона, Дэмиен поспешно смотрит на экран и вполголоса чертыхается, прочитав полученное смс. Он кладет телефон в карман, не ответив на сообщение, и

я вижу, что по его лицу пробегает грозовая туча. Я сжимаю губы, предчувствуя что-то неладное.

Блейн снова внимательно изучает изображение на холсте, не обращая внимания на Дэмиена.

– Ники, не двигайся. Я хочу немного подправить свет и...

Художника прерывает зазвонивший телефон Дэмиена. Я надеялась, что он проигнорирует этот звонок, но он быстрыми шагами выходит из комнаты и коротко произносит в трубку:

– Что?

Неожиданно меня охватывает страх. Я позирую Блейну и думаю о том, что Дэмиену позвонили не по работе. Дэмиен вообще никогда не переживает и не расстраивается из-за бизнеса. Ему нравится дух соревнования, для него это игра.

Но этот телефонный звонок явно не связан с работой, и я начинаю думать об угрозах в адрес Дэмиена и о его секретах, о которых я не имею никакого представления.

Я обнажила перед ним не только тело, но и душу. Но я по-прежнему почти ничего не знаю о его жизни. «Перестань, Ники, возьми себя в руки», – говорю я себе.

Одно дело хранить секреты, совсем другое – выйти из комнаты, чтобы никому не мешать своим телефонным разговором. Не стоит думать, что каждый его телефонный разговор – это заговор или попытка скрыть что-то из загадочного прошлого.

Я все это прекрасно знаю. Более того, я в это верю. Но разум не в состоянии заглушить холодок

страшного предчувствия. К тому же моя поза — голышом со связанными за спиной руками — не способствует логике. Я ощущаю себя так, словно несусь на машине без тормозов вниз по горному серпантину. Я не могу остановить плохие мысли, и от этого начинаю чувствовать себя еще хуже.

Скажу честно, я начала переживать с тех самых пор, как мой экс-босс высказал недвусмысленные угрозы в адрес Дэмиена. Фирма Карла пыталась

Я обнажила перед ним не только тело, но и душу. Но я по-прежнему почти ничего не знаю о его жизни.

привлечь Дэмиена Старка как инвестора для своего проекта, но Дэмиен ему отказал. Карл начал винить во всех смертных грехах меня.

Он не просто меня уволил, но и пообещал «разобраться» с Дэмиеном. Пока этого, слава богу, не произошло. Но Карл — человек решительный и изобретательный. К тому же он считает себя обиженным, поэтому уверен в своей правоте и жаждет мести.

С точки зрения Карла, Дэмиен беспричинно отказался от важного и крупного контракта. Карл потратил миллионы на разработку проекта, который не получил дальнейшего финансирования. И, судя по всему, Карл не из тех, кто легко прощает обиды и спокойно относится к упущенным деньгам.

Но вот уже несколько дней от Карла ни слуху ни духу. Что все это значит? Я подумала, что даже если что-то и произошло, Дэмиен решил не делиться со мной плохими новостями.

Может, я ошибаюсь. Буду надеяться, что ошибаюсь. Но мне сложно избавиться от страха в ситуации, когда я полностью открылась Дэмиену и доверила ему все свои секреты, а он этого не сделал.

– Что-то случилось? – спрашиваю я, когда Дэмиен возвращается в комнату.

– Все в порядке. Нет ничего прекраснее, чем смотреть на тебя.

– Ну что ж, – вмешивается в разговор Блейн, – кажется, на этом можно и закончить. Коктейльная вечеринка в субботу в семь, если я правильно запомнил. Я заеду в субботу днем, чтобы кое-что чуть подправить. И потом сам повешу картину.

– Прекрасно, – отвечает Дэмиен.

– Эх, знаете... А мне будет этого не хватать, – добавляет Блейн.

Мне кажется, что в глазах Дэмиена мелькает грусть.

– Мне тоже этого будет очень не хватать, – говорит он.

Художник уходит, но Дэмиен по-прежнему не прикасается ко мне. Мне кажется, если он сейчас меня не обнимет, я сойду с ума.

– Иди сюда. – Дэмиен протягивает ко мне руку, и я поворачиваюсь к нему спиной, думая, что он меня развяжет. Однако он этого не делает. Вместо этого Дэмиен кладет ладонь мне на плечо и подводит к портрету.

Мое первое ощущение – облегчение от того, что меня на этом портрете невозможно узнать. Да, это